

— Алексей Петрович, вы очень жалеете, что в вашей жизни была война?

— Конечно. Я часто размышаю, чего достиг бы, если бы не стал инвалидом.

— ...?

— Продолжал бы летать и после войны. Перепробовал бы все новейшие конструкции самолетов. Или, думаю, вот бы нашли меня раньше... Ведь что тогда произошло: я получил не только перелом, но и обморожение. Гипс нельзя наложить, потому что гангрена началась, — и обморожение лечить нельзя, потому что перелом. Замкнутый круг.

— Никогда не было мысли: «не пошел бы в легчики...»?

— Такой мысли — никогда!

— Первый день войны помните?

— Мы с инструктором приехали в Ростов заказывать себе коверковые костюмы, по тем временам они были в большой моде у летчиков. Зашли в магазин. Купили ткань. Заняли очередь в ателье. Вдруг воет человек: «Воин! Война! Сейчас по радио объявили!». Почему-то тогда я воспринял эти слова очень спокойно. Мы даже выстоали очередь и сделали заказ. А уже через несколько дней был на фронте, и мой костюм так и остался пылиться в Ростове.

— Сколько самолетов были сбиты за войну?

— Одиннадцать. Четыре до ранения (апрель 1942 года — Н.С.) и семь — после (июль 1943 года — Н.С.).

— Сбитые машины кто-нибудь подсчитывал?

— Сами. Да и товарищи, в случае чего, могли подтвердить. После Курской дуги был придуман кинофотоаппарат. Он все снимал на плён-

писать хорошую книгу, прославиться. Вы сами как думаете?

— Не знаю. Меня все и всегда отождествляют с образом героя книги Маресьева. Но ведь книга не документальная, а художественная. И, хотя она написана с моих слов, в ней есть неточности.

— Например?

— Полевой рассказывает в повести, что, выбирайся из леса, «я» нашел труп медсестры, у медсестры на боку висела сумка. В сумке — бан-

мент. Спинномозговая анестезия на меня не подействовала. Сделали общий наркоз. Когда я проснулся, было такое ощущение, будто кто-то ломал ноги в том месте, где их уже не было. Я запласал. Не от боли, а оттого, что доктор, как мне сказала сестра, уже ушел: «Почему он ушел, мне же больно?!».

— Алексей Петрович, вы могли бы припомнить самую горькую обиду в вашей жизни?

— После ампутации и долгих хождений по различным инстанциям меня направили

но живущей девушки, очень уж хочется в это верить...

А мою жену зовут Галина Викторовна. Я встретил ее в УВУЗ ВВС, где работал около года инспектором. Блубился сразу. А подойти не решался. Конечно, я тогда был молод, но все же без обеих ног. За мной нужен был уход. Кто на это согласится? А если и согласится, вдруг потом бросит?

Для начала попросил коллегу поговорить с ней. А уж потом... Галина Викторовна сняла все мои сомнения, мы поженились. И, что самое ценное, за всю нашу совместную жизнь она никогда не относилась ко мне как к инвалиду.

— Вы действительно умеете танцевать на протезах?

— Я и сейчас при случае неплохо танцую. Еще я в военном умел играть, в пинг-понг, в большой теннис, на мотоцикле катался, на велосипеде, на лыжах, на коньках...

— ...?

— Не верите? У меня даже фотографии сохранились. Могу показать.

— В пинг-понг или на лыжах — еще куда ни шло. Но на коньках!.. Там ведь главный упор на ноги?

— Конечно, падал много. Но постепенно научился даже развороты делать. На лыжах, между прочим, ходить куда тяжелее.

— Обычно бывает наоборот.

— Все дело в ширине шага. Обычный лыжник делает широкий шаг и выпрямляет стопу. Если я попытаюсь это повторить, у меня лыжи поднимаются. Приходится семенить маленькими шажочками, что очень утомительно.

Сегодня ему семьдесят восемь. У него мало седых волос, что, учитывая пережитое, кажется невероятным.

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

ПОВЕСТЬ О ЗАБЫТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Кажется, еще совсем недавно люди приезжали в Москву, чтобы только посмотреть на этого человека-легенду, умеющего ходить без ног. Что там «ходить», он даже летать умел — ведь это Алексей Маресьев, реальный прототип «хрестоматийной» еще в недавнем прошлом книги Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Многие сегодняшние школьники о нем даже не слышали...

ка консервов, сухари, вата, бинты...

Ничего этого не было. Представьте себе: ползешь по лесу, натыкаешься на труп, вмерзший в сугроб. Разве раз берешь, кто это: немец ли, наш ли, мужчина или женщина.. А уж раскапывать его тем более в голову не придет.

Да, я восемнадцать дней раненый выбирался к своим. Но единственной моей пищей за это время были муравьи.

в люберецкую летнюю часть, Я попросил командира назначить напарника для проверочного полета. Тот собрал неслучайный состав и сказал так: «К нам пришел безногий летчик, просит, чтобы кто-то поработал с ним в паре и определил, годен он к полетам или нет. Кто-нибудь попробует? Лишько я отказываюсь... Как вы думаете, мог кто-то сле этого согласиться?

К счастью, позже, после тяжелого боя на Орловско-Курской дуге мне довелось улыбнуться, что, кажется, невероятным.

дить. После Курской дуги был придуман кинофотопулумет. Он все снимал на плёнку. Пусть потом попросят сказать, что ты промазал.

— Вам приходилось когда-нибудь прокручивать свою плёнку?

— Однажды раз. Сам за сомневался, сбил или нет, видимость была плохая.

— Неужели не хотелось «вернуться», посмотреть, праильно ли заходил, точно ли целился?

— Нет. Да и не весь бой там отнят, только кусочек, когда стреляешь.

— У летчиков, в отличие от пехотинцев, счет идет не на людей, а на машины, ведь так?

— Да.

— Вам никогда не приходилоось видеть вблизи убитого вами человека?

— Нет.

Военная дорога началась для Маресьева в Запорожье, потом Кривой Рог, потом Никополь, опять Запорожье, Куйбышев... Оттуда на новеньком «Яке» отправили на Северо-Западный фронт, где и случилось та, описанная Борисом Полевым история.

— Некоторые считают, что повесть сделала вас известным. Другие, наоборот, что писателю повезло встретить «акого человека, как вы, и это дало ему возможность на-

раненый выбирался к своим. Но единственной моей пишней за это время были муравьи. Смочу ладонь, приложу к кучке муравейника, насекомые на нее налипнут, я их слизываю и ем. Еще пробовал есть ящерицу (а не ежа, как написано в книге). Надкусил с головы, она, хоть и сочная, но ногами упирается прямо мне в губы. Как ни был голоден, есть не смог.

— Помнится, автор так описывает ваше возвращение с боевого задания уже после ремонта: самолет остановился, открылся козырек кабин, на снег вылетела большая черного дерева палка ручной работы.. Я когда шла за интервью с вами, ожидала увидеть эту знаменитую палку..

— И палки никакой никогда не было. Я свои костили как оставил в госпитале в сорок третем, так к ним больше не возвращался.

Видимо, Борис Полевой хотел сделать мою историю более правдоподобной.

— Невозможно представить себе ваши ощущения сразу после операции, как это: был с ногами и вдруг без...

— Операция проходила довольно сложно. Я позже узнал, что Николай Наумович, профессор, ее делавший, перерыл массу литературы, прежде чем взялся за инстру-

сле этого согласиться!

К счастью, позже, после тяжелого боя на Орловско-Курской дуге мне довелось услышать другие слова, праздда, уже и от другого летчика: «Буду летать только с тобой». Нет большей награды, чем если тебе доверяют собственную жизнь.

После войны летать Маресьеву не дали. И он решил заняться образованием. окончил Высшую партийную школу Академии общественных наук. Защитил диссертацию по истории. С войны демобилизовался капитаном, в мирное время дошел до полковника.

Алексей Петрович женат. У него два сына и внук. Отсыкая телефон А. П. Маресьева в справочнике «Российских общественных заведений», я натолкнулась на еще одного человека с такой же фамилией Им оказался старший сын Виктор, возглавлявший некогда Клуб любителей Элвиса Пресли. По словам Алексея Петровича, он и сам полюбил этого певца. Считает, что «Голубку» тот исполняет гораздо лучше, чем Шульженко.

— Ваша жена — все также преданная вам Ольга из книги?

— Нет. Ольги, как ни обидно это слышать читателью, на самом деле не было. Возможно, образ был написан с какой-то другой реаль-

Сегодня ему семьдесят восемь. У него мало седых волос, что, учитывая пережитое, кажется невероятным. Он продолжает изо дня в день тренировать мышцы, чтобы быть «в форме». Ему не даешь больше шестидесяти.

Каждое утро Алексей Петрович приходит в Российский комитет ветеранов Великой Отечественной войны, где работает уже почти полвека, сейчас — первым заместителем председателя.

— Алексей Петрович, не могли бы вы выделить, скажем, пять качеств, необходимых, на ваш взгляд, «настичным людям» среди сегодняшней молодежи?

— Как вы угадали? На мой взгляд, этих качеств именно пять: сила воли, смелость, упорство, мужество, умение преодолевать трудности. Все они между собой связаны. Ни одного нельзя выделить, ни одного убрать.

— Мне кажется, молодому поколению нужно сейчас не столько мужества и смелости, сколько предпримчивости, чтобы выжить...

— Выжить!.. Но мы-то говорим совсем о другом: о том, как жить. И качества, которые должны быть у «настоящих людей», во времена войны не изменились...

Беседу вели
Наталья СОКОЛОВА.
(«Комсомольская правда»).